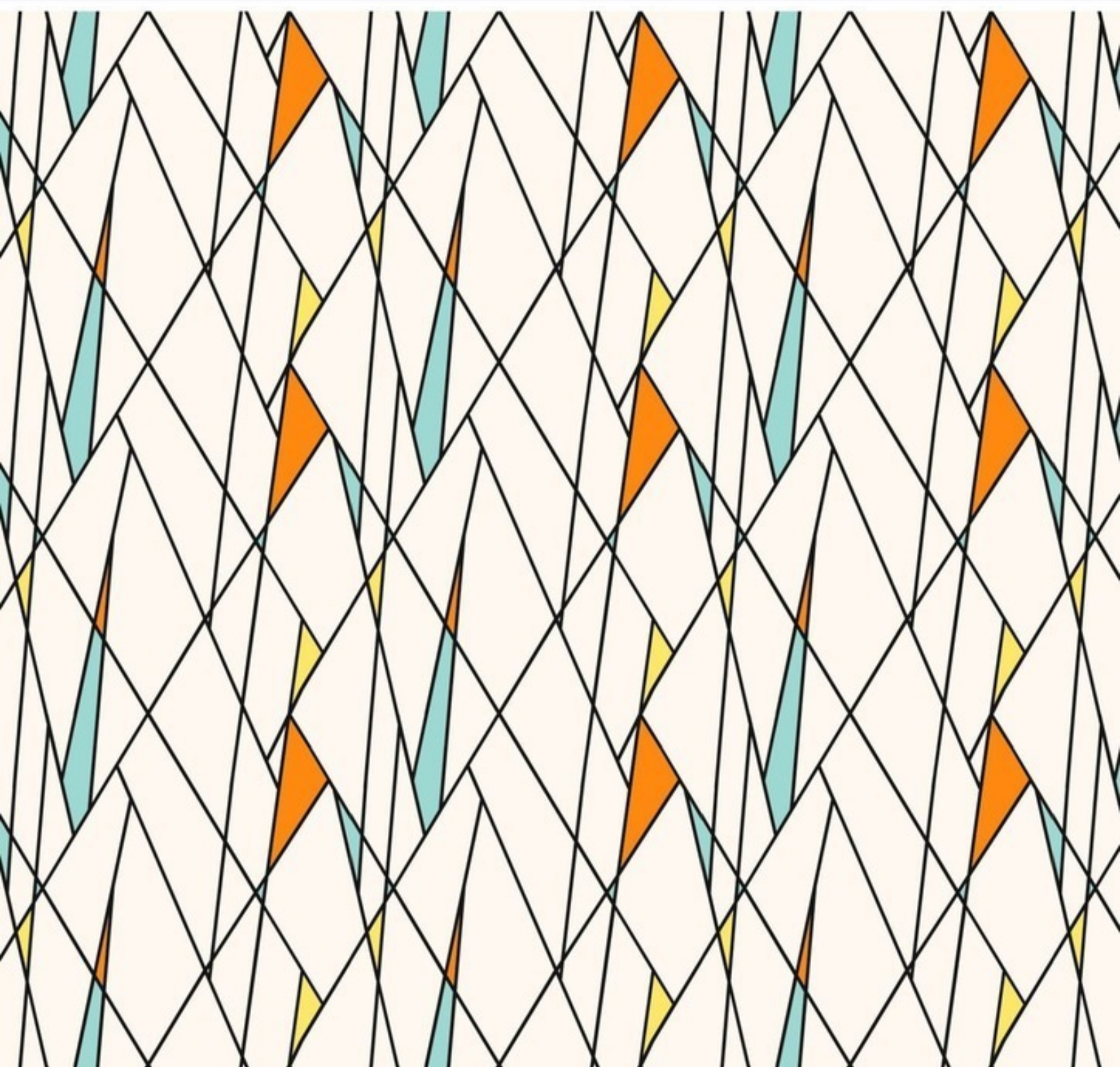

СОФИЯ ВОРСА

Город слепых перекрёстков

София Ворса

Город слепых перекрёстков

«Издательские решения»

Ворса С.

Город слепых перекрёстков / С. Ворса — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969088-3

Книга «Город слепых перекрестков» повествует о людях, лишенных зрения, прошедших в жизни через боль и страдания, тяжелые испытания, но оставшихся счастливыми. Их чистые и светлые души наполнены добром и любовью к ближнему. Понимая персонажей и сопереживая им, читатели и сами становятся добрее. Показывая всю сложность человеческих взаимоотношений, автор приводит читателя к мысли, что на предрешенным судьбой пути счастье человека зависит от него самого.

ISBN 978-5-44-969088-3

© Ворса С.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Город слепых перекрёстков

София Ворса

Иллюстратор Маргарита Тиханович

© София Ворса, 2019

© Маргарита Тиханович, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-9088-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Кто решает, станет ли человек в жизни счастливым или нет? Сможет ли он иметь детей, будут ли работать его ноги? Почему некоторые люди, имея все, бывают черствыми и совершают плохие поступки, а те, кто обделен судьбой, зачастую чисты душой и готовы делиться последним? Оля не могла найти ответы на эти вопросы.

Когда Олина мама умирала, она попросила у девочки прощения.

– Доченька, прости, я не виновата, я не знаю, почему ты родилась слепой.

Эта сцена часто всплывала у Оли в памяти.

– Мама, зачем ты себя винишь? Я ведь довольна. Я живу. Я и представить не могу, если бы не было меня, – Оля утешала мать как могла.

Вечером того дня мамы не стало.

Когда девочка была маленькой, лет до семи-восьми, она не понимала, что она другая. Не знала, что отличается от остальных людей. И никак не могла понять, почему бабушки возле подъезда вздыхают ей в след и плачут.

Когда Оля падала или врезалась в предметы, они говорили: «Бедненькая, бедненькая», – но она не понимала, почему люди причитают, и думала, что все нормально, у всех так, все так живут.

– Только потом я узнала (мне рассказали), что я не вижу. Ну и что! Я благодарна маме, Богу, что я жива. Что могу дышать, ходить, любить, – говорила всем Оля, будто оправдываясь за сам факт своего существования.

«Милая, милая мама! Мой ангел хранитель!» – вспоминала маму девочка.

...Однажды они с мамой пошли в магазин, который только открыли на их улице. Он был огромный и чуть-чуть страшный. Мама с дочерью долго бродили вдоль стеллажей. Пол был скользкий, и отовсюду пахло свежим хлебом. Оле казалось, что они идут на этот удивительный запах сдобы.

Мама оставила дочку возле стеллажа с булочками. Сказала, что та может выбрать любую. Прочла ей названия тех, что были в продаже: с корицей, глазурию, изюмом и «ромовая баба», а сама отошла выбрать хлеб.

Оля не знала, какую взять. Названия были незнакомыми, а отвлекать маму она не хотела. Машинально она стала выбирать на ощупь, аккуратно трогая булочки руками. Через минуту она нашла ту, которая по ощущениям показалась ее самой вкусной.

Вдруг сзади кто-то очень громко и пискляво начал кричать:

– Что ты делаешь? Чей ребенок? Кто после тебя это купит? Зачем ты все трогаешь? Руки бы поотбивала! – это бесновалась продавщица хлебного отдела.

Оля испугалась. От неожиданности она уронила булочку на пол. Тогда продавщица начала ругаться еще больше.

Мама услышала, подошла и извинилась перед женщиной. Прижала к себе Олю и погладила по голове.

– Мы купим все булочки, которые она потрогала, – услышала Оля мамин голос.

Дома, достав покупки, мама сказала:

– Оля, мы сейчас попробуем булочки с корицей, глазурию, изюмом и «ромовую бабу», а ты постарайся запомнить их на вкус, чтобы в следующий раз не трогать руками. Чтобы больше никто не мог тебя обидеть и напугать.

Мама давала мне каждую булочку, чтобы я запомнила ее вкус, название и выбрала любимую.

– Этим людям не понять, что ты только на ощупь можешь определить, что тебе нужно, – грустно добавила мама.

...После смерти матери Олина жизнь кардинально изменилась. Пришлось в одночасье научиться заботиться о себе, овладеть бытовыми навыками и освоить более детальную ориентировку на местности.

Тетя Люба, родная сестра мамы, сказала:

– Все, мать умерла, никто с тобой возиться не собирается, все будешь делать сама.

С этого момента Оля очень старалась все делать сама. Жизнь превратилась в рутину сложностей, но была и отдушина – музыка. Оля пела с трех лет. На слух она запоминала понравившиеся мелодии и потом распевала их на балконе.

Соседи говорили:

– О, у Никольских слепая дурочка все время поет, но поет хорошо, голос сильный и красивый. Что с ней будет?

Если честно, Оля не понимала, что такое «слепая» и что значит «не видеть», как и то, кто такой «зрячий» и что значит «видеть». А главное, что они все там такого видят и почему сокрушаются, что она этого не видит? Как ей было понять, что такое свет или цвет?

Тетя Люба говорила, что Оля никогда не видела лица своей мамы, поэтому не может рассуждать на эту тему.

– Но я его трогала, оно было теплым и самым лучшим на свете, – улыбаясь, настаивала на своем девочка.

Оля все определяла по запаху, звуку или на ощупь.

– Каждый человек пахнет по-своему, – говорила Оля. – Все имеет свой звук: я слышу, как опадает листва, и могу определить препятствие на пути, правда, не всегда, – воздух возле него становится плотнее. А еще я слышу музыку, удивительную музыку.

Еще при жизни, видя Олино желание петь, мама пригласила для занятий Надежду Ивановну – преподавателя игры на фортепиано и вокала.

– Оля еще маленькая и не знает азбуку Брайля, поэтому не может заполнить свое время хотя бы чтением книг для незрячих. Ей ничего не остается, как целыми днями слушать телевизор, пластинки и аудиокниги. Надежда Ивановна! Очень прошу, поддержите Олю! Занятия музыкой помогут ей развиваться, спасут от деградации, – упрашивала Надежду Ивановну мама.

– Я попробую, – сухо сказала Надежда Ивановна. – Я уже учила нескольких детей играть на слух. Оплата будет больше. Таких ребят сложно обучать.

Мама согласилась.

Надежда Ивановна была профессионалом. Она научила Олю, какой ноте соответствует каждая клавиша на фортепиано. У девочки была хорошая тактильная память, и она быстро запомнила расположение клавиш.

– Все песни так или иначе состоят из аккордов, – говорила Надежда Ивановна. – Научишься подбирать аккорды на слух, сможешь играть любую мелодию. Поняла?

– Поняла, – отвечала Оля.

– Простых аккордов на фортепиано всего четыре вида, – любила повторять Надежда Ивановна, – два вида трезвучий: мажорное и минорное, и два вида септаккордов: малый мажорный и малый минорный.

Оля прекрасно запоминала мелодии песен, которые слышала по телевизору. Пользуясь этим навыком, Надежда Ивановна записывала их уроки на диктофон и заставляла Олю заниматься по нему самостоятельно.

– У слепого есть преимущество, – однажды сказала Надежда Ивановна, – много свободного времени. Все ежедневно идут на работу и учебу, а ты Оля – счастливая, можешь часами играть и петь в одиночестве. Значит так, включаешь диктофон, слушаешь и занимаешься.

Когда мама умерла, занятия музыкой прекратились.

– Все! Баста, карапузики! Кончились танцы! – заявила тетя Люба. – В семье нет денег на музыкальные изыски. Занятий по музыке больше не будет.

Что можно сказать о тете Любе? Это была полная, грубоватая, уставшая от жизни женщина средних лет с очень своеобразным характером. Однако сердце ее не было черствым. Когда умерла мама, она взяла Олю под свое крыло. Внешне тетя Люба была красивой, с густыми волосами, которые всегда были вплетены в косу, и большими глазами.

Люба по-своему любила Олю, но злилась из-за того, что было тяжело и постоянно не хватало денег.

Как-то раз Оля сидела в кустах сирени возле подъезда, а с обратной стороны на лавочке – соседки и тетя Люба. Они часто проводили время вместе за сплетнями, как и сегодня.

– Да-да, правильно все про эту с четвертого этажа говорят. Не надо было лезть туда, куда не просят. Кстати, Люба, а как там твоя слепая?

– Точно, Люба, расскажи, – тут же подхватили ее другие. – Бедняжка ты наша, ну послал же Бог тебе такую сестру! Пришла с животом, отца нет, говорит, рожать буду. Родила слепую, да еще и осиротила и на тебя бросила. Своих-то трое ребятишек. Что ты будешь делать с этим инвалидом? Она тебе и твоим детям всю жизнь искалечит! Отдай ее государству – в интернат! Все лучше, чем с ней возиться. Он бесплатный, она же сирота.

– Не, не... – промямлила Люба. – Отдам, а она через полгода к матери на тот свет попадет. Она же чувствительная. Потом перед Богом и людьми отвечай.

– Ну как знаешь! Не ты виновата, что она такая, не тебе страдать. Я бы отдала, но дело твое, – резюмировала одна из соседок.

Потом разговор опять перешел на «эту» с четвертого этажа, которая в тот момент прошла мимо и привлекла все внимание местных сорок.

После этого случая Оля пообещала себе, что станет самостоятельной, с ней никогда и никто не будет возиться, она освоит музыкальную грамоту и станет певицей.

Несмотря на то что занятия с Надеждой Ивановной прекратились, девочка уже научилась подбирать мелодии на слух, а также стала сочинять собственные песни. Творчество заполнило всю ее жизнь, оно стало главным смыслом Олиного существования.

Сказать, что Оля сидела часами за фортепиано, – это ничего ни сказать. Она занималась маниакально по восемь часов в день, подбирая и запоминая каждую ноту из всех музыкальных произведений, которые могла услышать.

Получив школьный аттестат, Оля ни о чем не могла думать, кроме как о поступлении в консерваторию на вокальное отделение.

Собрав необходимые документы, она вместе с тетей Любой поехала в приемную комиссию учебного заведения. Тетя Люба восхищалась красотой здания, величию колонн, шириной коридоров и простором аудиторий. Отовсюду из окон звучали скрипки, флейты, виолончели и другие инструменты.

В приемной комиссии их встретила председатель, женщина с приятным голосом и запахом. Оля показала документы и сказала, что хочет поступать на вокальное отделение. Женщина внимательно выслушала и попросила обождать. Ее долго не было, минут тридцать... Назад она вернулась в сопровождении троих человек.

Подойдя к Оле, женщина произнесла вежливым тоном:

– Мы не можем принять Вас на обучение.

– Как это не можете? – опешила тетя Люба. – Вы же не слышали, как она поет, какой у нее красивый и сильный голос, да и как она играет на фортепиано!

– Вы меня не поняли, – продолжила председатель приемной комиссии, – у нас нет специалистов, которые могли бы обучать слепых, нет нот произведений на шрифте Брайля, нет вообще ничего для обучения таких людей...

– Да зачем ноты на шрифте Брайля? – продолжала тетя Люба. – Она может подбирать на слух.

– Женщина, здесь у нас консерватория, а не кружок музыкальной самодеятельности, Вы ошиблись адресом. Вашу девочку мы принять не можем, – резко оборвала председатель приемной комиссии, – разговор окончен.

На обратном пути по щекам Оли текли слезы.

– Оля, успокойся, – сказала тетя Люба, – сильно нам нужна эта местная консерватория! Мы напишем в приличные заведения Петербурга или Одессы, где умеют ценить настоящий талант, и тебя обязательно примут.

Тетя Люба так убедительно говорила, что Оля поверила и потихоньку успокоилась.

Вечером того же дня тетя Люба под диктовку племянницы написала письма в консерватории Петербурга и Одессы.

Оля в письмах писала:

– Я даю вам обещание, что не пойду на большую сцену. Я просто хочу научиться петь профессионально, а после завершения обучения буду записываться на радио, в студиях, и никто не узнает, что я слепая.

Через две недели из обеих консерваторий пришли отрицательные ответы. Олю никуда не брали.

После этого девочка впала в цепенящее отчаяние, думала, что жизнь для нее окончена, да и вообще жить незачем. Потому что все, что она успела здесь обрести, она потеряла разом, в одночасье.

Оле было так плохо, что начало подташнивать. На секунду она сильно сжала глаза, и невольно в ее голове закружились воспоминания из детства. Ей казалось, что она давно

забыла этот случай, но то чувство беспомощности и боли, которое ощутила сейчас, все возродило...

...Оля любила небольшой двор возле дома. Там было все так просто и знакомо. Она знала расположение всех предметов. Клумбы, с которых каждую весну доносился запах нарциссов и медуницы, рядом черемуха и кусты сирени. Ее запах девочка любила больше всего. Сирень благоухала сильно, но не так навязчиво, как, например, алиссум. Она как будто боялась сразу обратить на себя внимание и украдкой, при помощи запаха, подбиралась к тебе.

Располагалась во дворе и детская площадка. Там много всего было: качели, которые скрипели, когда на них катались детишки, турник, маленькая горка, спускающаяся в песочницу.

Песочницу Оля очень любила. Благодаря тому что ее бортики составляли замкнутый квадрат, она чувствовала себя внутри нее более защищенно. Обычно если девочка выходила гулять одна, то именно в песочнице и проводила время. У нее был большой копательный набор. Мама говорила, что он был самым красивым из всех, что она видела. Ведерко, две лопатки, грабли, сито и несколько формочек: одна напоминала малину, другая была с завитушками, а третья – в виде зайца с большими ушами и маленьким хвостиком. Последняя была любимой Олиной формочкой.

Несмотря на то что Оля была старше, с ней часто играли другие дети. Им нравилось строить замки из песка или лепить куличики, но некоторые любили их ломать. Девочка не понимала, зачем дети это делают, и сначала расстраивалась, но потом начинала все заново.

«Как сказала мне мама, если я не буду обращать внимания, то они отстанут и перестанут ломать», – думала про себя Оля.

В тот день в песочницу пришел мальчик Егор. Он был старше остальных, учился в третьем классе. Мальчик подговаривал детей портить все, что лепила Оля. Он раз за разом ломал замки, сыпал песок ее в волосы, обзывался, но она не обращала внимания и надеялась, что скоро ему надоест.

Вдруг Егор неожиданно ударил Олю по лицу и толкнул.

– Больно! По глазам попал! – сказала Оля.

– По каким глазам? Ты же слепая дура. Какие у тебя глаза? – раскатисто засмеялся Егор.

Он еще раз подбежал и толкнул Олю в спину, а потом забрал зайчика. Ту самую любимую формочку.

– Слепая, слепая, байстрючка, уродина, – он громко кричал и смеялся, – догони, догони, если сможешь. Я сейчас сломаю твою игрушку, и что ты мне сделаешь? Что? Слепая, слепая.

Только Оля вставала из песочницы, как он подбегал и снова толкал ее и выхватывал из рук формочки.

Девочка очень хорошо знала двор, но в тот момент совсем его забыла, как будто оказалась в незнакомом месте, совсем одна, и никто не мог ей помочь. Она плакала и умоляла вернуть игрушки, но Егор продолжал издевательства.

Все остальные дети стояли и молча смотрели на происходящее.

Коленки и ладошки очень болели из-за острых камушков, которые в них впились. Оля просто топталась на месте, пытаясь понять, с какой стороны на нее бежит Егор. Так беспомощно и ужасно девочка не чувствовала себя никогда.

Заливаясь слезами, Оля стала кричать:

– Мама, мама!

Мама все видела из окна, поэтому уже выскочила из подъезда и бежала на помощь. После ее появления все, кто был рядом с песочницей, разбежались.

Мама подошла и сильно обняла плачущую дочь. По ее дыханию девочка поняла, что мама тоже плачет. Мама целовала Олино лицо и все сильнее прижимала ее к себе. Через некоторое время всхлипывания прекратились, мамино дыхание стало ровнее, и она полупшепотом зачем-

то стала читать стихи. Наверное, она читала их для себя, но Оля на всю жизнь запомнила эти два четверостишия.

Не пестрят, не горят, не звенят светофоры,
И машины лавируют, словно жонглеры.
Он опасен для всех пожилых и подростков —
Обезумевший город слепых перекрестков.

И бегут оголтелые толпы прохожих.
Кто-то в страхе промолвил: «Помилуй нас, Боже!»
Бьет по жизни размашисто, больно и хлестко
Искалеченный город слепых перекрестков...*

**стихи Ольги Патрий*

II

– Хватит изображать из себя вселенское горе и хандрить, – ровным тоном сказала тетя Люба, – не получилось с учебными университетами, значит, будешь постигать университеты жизненные.

– Вы о чем, тетя Люба? – спросила Оля.

– Я о том, что жизнь не закончилась, – продолжила свою мысль тетя Люба. – Люди и без музыки живут. Надо идти устраиваться на работу. На одной нищенской пенсии инвалида первой группы ты не протянешь. Не жалеешь себя – пожалей нас, мы еле концы с концами сводим, а еще ты в довесок.

Слова тети Любы причиняли Оле боль, но она понимала, что та не со зла, а от тяжелой жизни такое говорит.

– Ну хорошо, – сказала Оля, – может, я бы смогла учить музыке маленьких детей?

– Да когда это закончится! – взорвалась тетя Люба. – Все! Ноты больше не трогаем! Ты теперь будешь учиться собирать выключатели, розетки, электрические удлинители и монтажные коробки. Тебя могут взять лишь на завод электротехнической продукции. Только туда принимают на работу незрячих в нашем городе.

Тетя Люба опустила на стул и начала тихо плакать. Она не могла объяснить Оле, что слепых обычные люди воспринимают как недалеких, беспомощных и слабых умом людей, которых остается разве только что пожалеть.

Обычные люди даже не могут допустить мысли, что перед ними не какой-то ущербный незрячий, а, возможно, гениальный музыкант, математик или физик, да и прежде всего личность.

Проще согнать всех слепых в резервацию, обучить простому ремеслу типа сбора электрических розеток, а потом всем обществом умиляться своему гуманизму.

А думать о том, что хочет сам незрячий, как он хочет реализоваться, о чем он мечтает – зачем? Ведь достойные зрячие и очень гуманные люди давно для слепых все организовали: проснулся, собрал электрические розетки или выключатели, заснул, а в промежутках – время на еду и туалет.

О принципах гуманизма думать можно было до бесконечности. Поэтому тетя Люба прервала свои мысли и обратилась к Оле:

– Ты не расстраивайся, так все живут. Как-то все устроится.

– Надеюсь, – тихо ответила Оля.

Завод находился далеко от дома. Надо было ехать на автобусе и метро, ну и, конечно же, идти. В первый раз Олю повела туда тетя Люба. Это был очень важный поход: она должна была запомнить каждый свой шаг, выбрать ориентиры. Не перепутать, не забыть, успеть понять, ведь второй раз туда ее никто не повезет.

В голове у каждого незрячего хранятся тысячи маршрутов: от дома в магазин, аптеку, школу и так далее. Все они доведены до автоматизма, четко рассчитаны по шагам, со своими ориентирами и подсказками.

Как только Оля вышла из подъезда, она сразу медленно начала считать шаги. Один, два, три... двести девяносто три, и они уже дошли до остановки. Но это самая легкая часть. Еще столько новых чисел надо держать в голове.

Автобус подходил любой, проехать надо было всего одну остановку, потом пересестись на метро. Оле было очень страшно. Она не любила подземный транспорт: много людей, много станций, громкие и страшные звуки... Но до завода можно было добраться только так.

Собравшись с мыслями, девушка начала считать ступеньки в переходе метрополитена. Первая лестница, вторая. Двести девяносто три, шестьдесят, двадцать пять, двадцать пять.

Когда тетя Люба и Оля зашли на станцию, поезд, который ехал в противоположную сторону, двинулся с места. Оля почувствовала кончиками пальцев ног, как он летит и трясется под землей. Она запоминала каждое новое ощущение, новую поверхность.

Теперь надо изучить станцию. Тетя Люба начала вслух ее описывать, внимательно наблюдая за Олиной реакцией.

– Так, тут шесть колонн, между ними скамейки. Давай начнем считать?

Оля одобритительно кивнула. Они встали возле последней ступеньки и начали одновременно шагать до первой колонны.

– Сколько у тебя вышло?

– 12 шагов.

– Хорошо, у меня тоже. Теперь до скамейки?

– Тут уже меньше, четыре.

Так они прошли всю станцию вдоль и поперек. Ее изучение заняло чуть больше получаса.

Теперь осталось сесть в вагон. Тетя Люба не стала помогать Оле, чтобы та научилась сама находить открытую дверь – это оказалось легко. Через четыре остановки они вышли и начали исследовать новую станцию.

Сколько шагов от одной желтой линии до другой, сколько до середины и так далее. У каждой маленькой детальки была своя цифра – только так Оля могла ориентироваться в пространстве.

Опять ступеньки, еще чуть-чуть, и они возле проходной завода.

Олины документы для трудоустройства тетя Люба отвезла заранее, пару дней назад, и, когда она вернулась домой, Оля очень ее просила:

– Тетя Люба, расскажи о заводе, пожалуйста.

– Ох, милая моя, – села на табурет тетя Люба, – даже не знаю, что тебе рассказать. Ну... Он серый, как и все заводы. Почти все работники там слепые, многие работают очень долго, пришлось попотеть, чтобы тебя туда впихнуть. Люди, которые следят за вашим трудом, нормальн... – тетя Люба запнулась и исправилась: – то есть зрячие. Они ездят с большими тележками и собирают то, что сделано, развозят новые материалы. Само здание небольшое, так что этих работников немного, я думаю, ты очень быстро всех запомнишь и начнешь узнавать по походке.

...Когда они зашли на завод, Оля сразу почувствовала холодный ветер, сквозняк, который бегал по всему зданию. Тетя Люба погладила племянницу по спине и отошла поговорить с каким-то мужчиной.

После он провел их в цех, где Оля слышала щелчки от пружинок выключателей, которые собирали работники, грохот тележек, пыхтение людей и глухое звяканье.

Тетя Люба попрощалась и сказала, что заберет Олю через несколько часов, для того чтобы пройти с ней новый маршрут еще раз, только уже от завода к дому.

Мужчина, новый начальник Оли, отвел ее к рабочему месту и объяснил, что и как делать. Оля была очень способная и старательная, так что сразу поняла и очень быстро начала выполнять то, что от нее хотели. Это был цех по производству розеток и выключателей, почти все работники тут были незрячими.

Незрячие на заводе работали за сущие копейки, но другого дела не было, да и общаться с похожими на себя людьми было приятно. Оля ходила на работу уже несколько недель и довольно скоро нашла общий язык со многими коллегами, они были очень радушны, а вскоре даже появились близкие друзья.

Тетя Люба говорила:

– Это все пошло тебе на пользу, ты похорошела, расцвела и ожила, хотя зарплаты твоей хватает, только чтобы прокормить тебя саму.

На заводе Оля познакомилась с Кириллом и Мариной – они собирали выключатели недалеко от нее. Это и были ее лучшие друзья. Чтобы разнообразить монотонную работу, ребята рассказывали истории из своей жизни. Оля всегда очень внимательно слушала, запоминая каждую мелочь.

Марина жила в детском доме для незрячих детей, ее забрали у родителей, которые бомжовали на свалке.

В три года, когда девочку привезли в детский дом, она не умела ходить, говорить и еще много всего, что ее сверстники уже освоили. Но заботливые воспитатели детского дома приложили много усилий, чтобы она догнала одноклассника. И вскоре Марина даже стала выделяться некоторыми умениями среди остальных детей.

У нее тоже было хобби: как и Оля, Марина очень любила музыку. Привила ей эту любовь Евгения Владимировна, или мама Женя, как называли ее воспитанники детского дома.

– Марина, у тебя абсолютный слух, – говорила мама Женя, – музыка – это твое.

– Эх, разве это хорошо? Я же слышу все: как ездят трамваи на соседней улице или скрипят двери в соседнем блоке. Из-за постоянных звуков плохо сплю, вся дерганая, – расстраивалась Марина.

– Абсолютный слух – это дар свыше, а сон – это не проблема, надевай беруши, – утешала мама Женя.

– Детский дом был родным, – вспоминала Марина. Помимо обычных уроков, таких как математика, дети там учились ориентироваться в пространстве, читать по Брайлю, петь в хоре, помогали в небольшой церкви для незрячих. В нем девочку научили всему, что она умела. Но как только ей исполнилось восемнадцать, пришлось попрощаться с местом, где она провела все свое детство.

После выпуска благодаря хлопотам мамы Жени государство выдало ей и еще одной девушке койко-места в общежитии при заводе. Они жили вместе. Обе работали на заводе, но в разных цехах. А вечером после тяжелой смены, изнывая от усталости, садились за чашечкой чая и вспоминали счастливые моменты из жизни. Как к ним в детский дом приезжали волонтеры на праздники, они играли, возили детей на санках и просто общались. Или когда на Масленицу все дружно ели блины и торты. Как дети помогали друг другу ориентироваться в пространстве. Как баба Нюра в столовой терпеливо ждала, когда они рассядутся за столы, после чего аккуратно каждому подавала еду, и никто не обижал их за то, что они не такие, за то, что они не видят.

К сожалению, унижение во взрослой жизни для Марины уже стало обыденностью.

Через некоторое время соседку Марины нашла ее мать, которая очень давно пожалела о том, что испугалась и отдала своего ребенка в детский дом. И хоть прошло много времени, она надеялась восстановить связь со своим чадом и забрала дочку к себе жить в другой город.

Марина осталась одна. Поначалу ей было очень одиноко и жалко себя. Вечера были наполнены размышлениями о том, где сейчас ее мать? Жива ли она вообще?

В детстве мама Женя рассказывала Марине о ее родной матери совсем немного, да и то потому, что Марина очень настаивала.

Однажды девочка подошла к маме Жене и спросила:

– Это правда, что мою семью нашли на свалке? Что мой отец и мать пьяницы и бомжи? И что их лишили родительских прав, а меня отправили сюда, в детский дом? А еще говорят, что со мной приехала моя сестра, которая скончалась почти сразу, как попала в детский дом, из-за болезни, которую получила на свалке.

– Мариночка, кто это все тебе рассказал? – встревоженным тоном спросила мама Женя.

– Наша Елена Ивановна, которая полы моет в комнатах, – ответила девочка.

– А что еще тебе рассказывала Елена Ивановна? – поинтересовалась мама Женя.

– Что, скорее всего, родителей уже нет. Так как их в алкогольном угаре заровняли трактора вместе с мусором. Елена Ивановна говорит, что так все бомжи на свалках свою жизнь заканчивают, – продолжила свой рассказ Марина.

– Вот те на! Какая же глубинная сволочь, наша Елена Ивановна, – выдохнула из себя мама Женя. – Ты, Мариночка, забудь, что тебе она наговорила, это все неправда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.